

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Йозеф Шумпетер

Кризис налогового государства¹

ШУМПЕТЕР Йозеф (1883–1950) — австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк экономической мысли.

Источник: Шумпетер Й. (готовится к изданию) *Кризис налогового государства. Социология империализмов*. М.: Изд. дом ВШЭ.

Перевод с немецкого.

Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

В начале своей статьи «Кризис налогового государства», вышедшей в 1918 г., Й. Шумпетер задаётся важным вопросом: выстоит ли экономическое устройство западных государств под бременем военных тягот или его необходимо преобразовать таким образом, чтобы затем появилось нечто новое? По мнению автора, данный вопрос, как правило, обсуждается с точки трёх грядущих альтернатив: крах капиталистической системы vs. расширение экономических свобод vs. возникновение административной экономики. Однако Й. Шумпетер полагает, что Первая мировая война скорее обнажила более фундаментальный кризис современных обществ, нежели стала его причиной. В основе же кризиса находится несостоятельность налогового государства. Для истинного понимания кризиса необходима социологическая перспектива, а именно фискальная социология, которая рассматривает финансовую историю в качестве неотъемлемой части истории народа. Финансы являются одним из исходных пунктов для исследования социального механизма. В этом ключе автор предлагает искать ответы на следующие вопросы: что означает «несостоятельность налогового государства»? Что вообще составляет его сущность? Как оно возникло? Каковы социальные процессы, лежащие в основании поверхностных фактов, выражаемых бюджетными цифрами?

Журнал «Экономическая социология» публикует фрагмент работы Й. Шумпетера «Кризис налогового государства», в котором раскрываются сущность и границы налогового государства.

Ключевые слова: налоговая система; государство; кризис; государственная экономика; частное хозяйство; фискальная социология.

IV. Сущность и границы налогового государства

Мы видели: без финансовой потребности отсутствовал бы непосредственный повод для создания современного государства. То обстоятельство, что эта потребность возникла и для её удовлетворения был избран метод налогообложения, в свою очередь, объясняется процессом распада средневековых жизненных форм. Этот процесс можно проследить через все промежуточные причины вплоть до изменения условий хозяйствования; в конце концов, он приводит к свободному индивидуальному хозяйству отдельных семей. Такой способ рассмотрения вещей открывает путь к глубочайшим основаниям социальных событий: налог — это не поверхностное явление, а выражение этих событий, которые, таким образом, обобщаются в определённом направлении.

¹ Schumpeter J. A. 1918. *Die Krise des Steuerstaates. Zeitfragen aus dem Gebiet der Soziologie*. Bd. 4. S. 1–71.

Налог не только способствовал созданию государства, он содействовал и его дальнейшему формированию. Налоговая система была тем органом, развитие которого инициировало изменение других органов. С помощью налогообложения государство проникало в частные хозяйства, получало всё больший контроль над ними. К тому же налог приводит денежную экономику и дух расчёта в те уголки, где их ещё не было, и тем самым, в свою очередь, оказывает формирующее воздействие на тот организм, в котором он развился. Его вид и уровень определяет социальная структура, но, возникнув, он становится рычагом, за который могут ухватиться социальные силы, чтобы изменить эту структуру. Однако продуктивность этой точки зрения может быть лишь намечена в самых общих чертах.

Итак, поскольку «государство» и «налог» так тесно друг с другом связаны, возникает естественный вопрос: а нельзя ли с этой стороны попытаться приблизиться к пониманию сущности государства?² Прежде всего следует отметить, что для особого феномена «государство» — если это слово обозначает фактор социальной жизни, действие которого мы обнаруживаем в окружающем нас мире, а не только служит ещё одним обозначением для «социальной общности» или «социальной организации» — не найдётся пространства там, где «социализированы» все сферы социальной жизни и вся деятельность индивида растворена в социальном целом. У примитивной орды нет государства; её организация — это единство, выполняющее те функции, которые позднее достанутся государству, но такая организация ещё не развилась как особое государство. Если бы мы захотели найти в такой организации государство, то должны бы были просто отождествить его с социальным порядком.

По тем же самым причинам государства не было бы у социалистически организованного народа. Естественно, и такое социалистическое сообщество было бы субъектом международного права, а стало быть, и государством в международно-правовом смысле. Однако в его внутренней социальной организации отсутствовала бы государственная власть, которую можно было бы отличить от прочих общественных сил: если бы социализм был реализован путём захвата экономики государством, то в ходе своей собственной экспансии государство само ликвидировало бы себя.

Таким же образом обстояло бы дело и в ассоциации, состоящей из одних сеньоров и вассалов (разумеется, такового никогда не существовало, как не существует в чистом виде свободной экономики, но его следует представить в теоретических целях, если мы хотим подходить к определённым историческим ситуациям, вооружившись ясными понятиями): в таком сообществе был бы полностью

² При оценке подобных попыток следует принимать во внимание три обстоятельства. Во-первых, бесконечное разнообразие точек зрения, с которых может представлять интерес сущность государства. Но для каждой из этих точек зрения оказываются важными различные моменты. С каждой из них сама эта сущность представляет собой нечто иное, и с каждой нам не так-то просто признать, что это иное истинно, а в случае непризнания ведёт к многочисленным бесполезным контрверзам и мнимым «проблемам». Если, например, кто-то желает выявить метафизический смысл государства, то уровень и горизонт его рассмотрения не пересекаются с нашими. Или если кто-то даёт определение государства с юридическими целями, то это не имеет ничего общего с нашей целью. Для нас речь идёт только об исследовании определённого исторически данного, чётко очерченного фактора социальной жизни. Во-вторых, одно лишь понимание процесса возникновения какого-либо социального феномена само по себе ещё не раскрывает ни его «сущности», ни его «смысла», ни его «культурного значения», ни его «внутренней логики». Если бы финансово-социологическая точка зрения позволяла нам постичь только генезис государства, то мы постоянно оказывались бы в положении человека, пытающегося объяснить впечатление от ландшафта через изучение его геологии. Заметим, что мы отнюдь не впадаем в заблуждение, состоящее в стремлении отыскивать сущность явления в движущих силах его возникновения и затушёвывать своеобразие уже возникшего типа, ретроспективно разлагая его на зародыши. В-третьих, всякий реалистический анализ государства произрастает, так сказать, на уже испорченной почве. Характерная для нынешних почитателей государства тенденция видеть в нём в максимальном масштабе нечто «наивысшее» и «всеобъемлющее» расширяет современное понимание государства далеко за его истинные измерения, подобно тому как фасадная техника визуально увеличивает многие ренессансные церкви. Если в какой-то неправдоподобной аберрации все культурные смыслы подчиняются целям государства, то в силу своего объёма оно становится какой-то гигантской абстракцией, охватывающей всю социальную жизнь, все её институции и прочие реалии. Тот, кто говорит о государстве там, где имеется какая-либо социальная организация, разумеется, обнаруживает его повсюду, но оно теряет всё то, что характерно для государства. Естественно, то же самое относится и к государству как воплощению нормы, как к порядку вообще.

воплощён жизненный идеал. Из него исходили бы основные идеи индивидуальной жизни, обнаружившей свой смысл в максимальном приближении к сверхперсональному и абсолютному, которое только известно социальной действительности. Конечно, имелись бы части народа, остававшиеся вне этого круга. Однако они также принадлежали бы к этому миру — как рабочие животные. Без «взнос» крепостных крестьян феодальный замок и поиски рыцарями Круглого стола чаши Святого Грааля были бы невозможны. Однако крестьяне не были частью этих поисков, как античные рабы не были причастны к духу Афин. Был Бог, был сеньор, был рыцарь — выражение жизненной формы эпохи, — но не было государства, разве что в том смысле, в каком можно было бы говорить о государстве пчёл. Когда поток продуктивных переворотов смывает этот мир, когда рыцарь забывает о Граале и вспоминает о своих земельных владениях, этот порядок разлагается, как раздувшаяся от гнилостных газов мёртвая туша, и распадается на множество индивидов и семей с тысячами противоречащих друг другу интересов.

Лишь там, где индивидуальная жизнь содержит свой центр тяжести в самой себе, где её смысл заключён в индивиде и его персональной сфере, где реализация личности является самоцелью, может существовать государство как реальный феномен. Лишь там оно становится необходимым и там оно возникает либо из «общей необходимости», находящей своего представителя в будущем хозяине государства, либо таким образом, что у распадающейся всеобъемлющей общности сохраняются определённые — все равно какие — цели, поскольку вновь созданные индивидуальные автономии не могут или не хотят их достичь. Государство поэтому никогда не сможет стать самоцелью, а всегда остаётся лишь машиной для достижения этих общих целей. В силу своей природы оно, как представитель интересов общества, противостоит индивидуальным персонификациям самоцелей. Только тогда оно представляет собой особое, отличимое от прочих социальное явление.

Суть дела, естественно, в экономике. Экономика как дело всех или же соединение экономики в одну сверхиндивидуальную систему, сознательно регулируемую, а не только, как это происходит в любом хозяйстве, в систему автоматического взаимодействия индивидуальных и семейных эгоизмов, ведёт к тому тотальному единству всякой культурной жизни³, которое совершенно не оставляет пространства для государства. Индивидуальное хозяйство разрушает это единство. А индивидуальное хозяйство, возникновение которого из этих форм, пусть и через многочисленные промежуточные звенья и идеологическую огненную магию, как и обратный процесс, если бы таковой имел место в будущем, могут быть поняты сугубо экономически. То, как индивидуальная экономика выросла из этих форм, можно понять в сугубо экономических терминах, хотя бы через бесчисленные промежуточные связи и идеологическую огненную магию, точно так же, как и обратный процесс, если это должно когда-нибудь произойти в будущем. Индивидуальное хозяйство предоставляет индивида или семью им самим и, словно яблоко в раю, вынуждает их открыть глаза на экономические реалии мира и выводить свои цели из собственных интересов. Его горизонт сужается, жизнь протекает исключительно в собственном доме, сквозь окна которого человек смотрит на мир и видит немного, поскольку вскоре его взгляд упирается в стены других таких же домов. Теперь индивид хозяйствует для самого себя, а то, что не является чьей-либо индивидуальной целью, как правило, остаётся — принципиально и фактически — лишённым каких-либо экономических средств, если только не способно утвердиться на каком-либо особенно экономическом базисе (например, как в случае с Церковью). Фискальные требования поэтому являются первейшим жизненным импульсом современного государства: налог настолько тесно связан с государством, что выражение «налоговое государство» можно считать почти плеоназмом; потому же финансовая социология так плодотворна для теории государства.

³ Это объясняет феномен, обозначаемый как объективность культуры, понимание культурных продуктов как сверхиндивидуально санкционированных норм в противоположность субъективистскому расщеплению культуры свободной экономики.

Естественно, государство не исчерпывается исполнением фискальных требований, соответствующих потребностям сообщества, которые дали для них повод. Оно становится реальностью, социальной институцией и центром существования для людей, которые управляют государственной машиной и чьи интересы сосредоточены на ней; признанной, наконец, индивидами, которым оно противостоит, пригодной для множества вещей. Став таковым, государство развивается дальше и вскоре превращается в нечто, сущность чего понимается уже не только с фискальной точки зрения и для чего финансы становятся служебным средством. Если финансы создали и сформировали современное государство, то теперь оно, в свою очередь, формирует и развивает их, проникая глубоко в плоть частных хозяйств.

Но решающим для реалистического понимания феномена государства, наряду с его характером как машины для достижения тех или иных относительно локальных целей, машины, которой противостоит вся целостность национальной культурной жизни со всеми её основными движущими силами, является признание значения той группы людей, где оно социально реализуется, и тех факторов, что обеспечивают господство над ним⁴. Это объясняет его реальную силу и то, каким образом она используется и развивается. Поначалу монарх, из чьих рук современная континентальная демократия получила или собирается получить государство, по большей части действительно был хозяином государства. Но позднее во многих случаях можно было бы говорить о том, что государство — это бюрократия. И, в конце концов, государству удалось — и этому способствовал кулак монарха — настолько глубоко проникнуть в психику народа, что оно действительно смогло превратиться в нечто неперсональное, в машину, которой управляют умы, умеющие лишь служить, но не властвовать. Такое государство, возможно, сохранится только как мысленная привычка своих граждан. Быть может, в некоторых странах это уже так.

Но в любом случае у него есть совершенно определённые границы. Разумеется, не в смысле концептуально устанавливаемых границ сферы его действия, а в смысле границ его финансовых возможностей. В каждом конкретном случае они весьма различаются по объёму в зависимости от богатства или бедности страны, от конкретных особенностей её национальной и социальной структуры, от типа его богатства. Ведь есть большая разница между новым, активным, растущим богатством и богатством старым, между предпринимательскими и рентными государствами. Кроме того, границы могут существенно различаться в зависимости от масштабов военных ассигнований или расходов на обслуживание долга, от силы и морали бюрократии, от интенсивности присущего народу этатизма и т. д. Однако границы всегда существуют, и в общем и целом их можно теоретически определить исходя из сущности государства.

Кроме того, современное буржуазное государство никогда не господствует в своей чистой форме. Оно повсюду пронизано элементами прошлого, на него повсюду падают более или менее различимые тени образов будущего. Однако сегодня оно всё ещё является выражением наиболее созидательных сил. И всюду его существование обособлено не только от индивидов и семей, частная жизнь которых стала для них центром и самоцелью, но и от совокупности этих индивидов. Всюду государство относительно

⁴ Не следовало бы говорить: государство делает то или это. Всегда важно знать, кто приводит государственную машину в движение, чьи интересы этому способствуют, кто говорит от имени этой машины. Такое понимание должно быть неприемлемо для каждого, кому государство представляется высшим благом народа, вершиной его достижений, средоточием всех его идеалов и сил. Однако только такое понимание соответствует действительности. Оно ко всему прочему включает и всё то, что считается правильным в самой по себе ошибочной теории, согласно которой государство представляет собой не что иное, как средство эксплуатации, находящееся в распоряжении господствующего класса: ни идея классового государства, ни представление о государстве как о реальности, возвышающейся над всеми партиями и классами в качестве просто организованной целостности, не адекватны сущности государства. Однако ни одно из этих воззрений не взято из воздуха: государство так или иначе отражает соотношение социальных сил, даже если само оно и не является всего лишь их простым отражением, поскольку государство способствует возникновению идеи государства, в которую народы в зависимости от обстоятельств вкладывают те или иные смыслы, пусть даже оно отнюдь не является порождением абстрактной, охватывающей всю социальную целостность идеи государства.

ограничено в средствах по сравнению с частными хозяйствами, смысл и движущая сила которых состоит в обслуживании частной жизни, и они производят свою продукцию только для этого и зависят от того, что государство у них отнимет. Даже если присутствие государства становится ощутимым повсюду, оно, несмотря на фразеологию, которую государственные органы внушают всем гражданам с детства, всегда остаётся чем-то периферийным, чуждым, даже враждебным целям частного хозяйства, в любом случае — чем-то производным.

Здесь мы сталкиваемся с фактом, который может стать руководящим принципом для теоретического исследования экономической продуктивности налогового государства: в буржуазном обществе каждый работает и экономит для себя и своих близких, а сверх этого разве что ради им самим выбранных целей. То, что вообще производится, делается для целей частных экономических субъектов. Движущей силой является индивидуальный интерес (разумеется, взятый в очень широком смысле и отнюдь не тождественный гедонистическому индивидуалистическому эгоизму). В этом мире государство живёт как экономический паразит. Оно может извлекать из частной экономики лишь столько, сколько совместимо с сохранением этого индивидуального интереса в каждой конкретной социально-психической ситуации. Иными словами, налоговое государство не должно требовать от людей, чтобы они теряли финансовый интерес к производству или прекращали вкладывать в него свою энергию. Существуют весьма значительные различия в том, как люди относятся к конкретному государству и конкретной исторической ситуации, в которой выдвигаются соответствующие требования. В периоды патриотического возбуждения налоговая нагрузка, в *нормальной* ситуации приводящая к остановке производства, совместима с адаптацией производительных сил к чрезвычайной ситуации. Однако хотя эта граница в зависимости от обстоятельств может устанавливаться по-разному, её в любом случае можно обнаружить на основании нашего принципа.

Сначала рассмотрим потенциал косвенных налогов. Последствия, которые они вызывают, стимулируя процессы перераспределения и ограничения потребления, невозможно кратко описать из-за их огромной сложности. Однако нас интересует не то, каким образом они тормозят или разрушают сначала экономику, затем образ жизни, а вследствие этого, в конечном счёте, уровень культуры, и в какой мере ими можно объяснить интеллектуальный и моральный кризис большинства населения многих государств нашего времени. Нам достаточно того, что они составляют пока что необходимый и в любом случае важнейший элемент механизма налогового государства, а также тот факт, что для налоговой нагрузки по каждой статье и, следовательно, для всего налогообложения в целом существует определённый уровень, превышение которого ведёт не к увеличению, а к уменьшению налоговых поступлений. Однако установлению уровня, приносящего максимальный доход, препятствуют две серьёзные практические трудности: во-первых, любой значительный косвенный налог вызывает изменения как технической, так и коммерческой природы в производственном организме, чьи последствия весьма затруднительно предвидеть. Во-вторых, ситуация там, где вводился налог, не остаётся неизменной и в других отношениях; почти всегда появляются и какие-то другие «причины нарушений», ослабляющие (как, например, случайное расширение производства соответствующего товара за границей) воздействие налога на потребителя или (как, например, одновременный рост населения) обостряющие ситуацию для потребителя, но смягчающие для производителя. Этими трудностями отчасти объясняется — а отчасти и, возможно, в большей мере причина состоит в несостоятельности финансовой политики — то обстоятельство, что вплоть до наших дней почти все государства в том или ином случае косвенного налогообложения выходили далеко за рамки поставленных целей и устанавливали уровень нагрузки для некоторых товаров, наносящий ущерб финансовым интересам самого государства, так что снижение налогов способствовало бы росту доходов. Самые блистательные примеры такой политики повышения доходов путём снижения налогов дали Питт-младший и Гладстон. Однако всегда имеется определённый уровень максимального дохода всякого косвенного налога, после превышения которого доход вновь снижается, и при достаточной компетентности его всегда можно было бы установить. Больше

этого — а стало быть, независимо от воли государства — максимального дохода из косвенного налога не может выжать никакая фискальная система. Если он достигнут, то достигнута и граница эффективности данного метода налогообложения. Никакая потребность в дополнительных средствах не в силах её подвинуть.

С прямыми налогами на практике дело обстоит менее ясно, но лишь на первый взгляд иначе. Мы рассмотрим только налоги на отдельные виды доходов — на предпринимательскую прибыль, на монопольную прибыль, на процент с капитала, на земельную ренту и на заработную плату. Мы можем ограничиться ими, поскольку к специальным налогам на отдельные формы доходов из этих категорий, таких, как налоги на строения, налоги на дивиденды и т. д., применим тот же самый ход рассуждений, что и к рассмотренным выше косвенным налогам. А подоходный налог для каждого является лишь налогом на те поступления, образующих его доход. Только налог на имущество, который не выплачивается из доходов, подобно прусскому, представляющему собой просто особый подоходный налог, а предусматривает действительную передачу имущества, составляет самостоятельный случай; однако, мы можем здесь лишь последний принять к сведению, не останавливаясь на нём подробно (мы вернёмся к нему позже).

Предпринимательская прибыль в собственном смысле слова, стало быть, взятая отдельно от процента с капитала, с которым её ранее смешивали, от премии за риск, очевидным образом не являющейся чистым доходом, и от заработной платы предпринимателя, представляет собой особый случай заработной платы, в капиталистической экономике возникает всюду, где с успехом вводится какой-нибудь новый метод производства, новая коммерческая комбинация или новая организационная форма. Она представляет собой премию, которую капитализм связывает с внедрением новшеств. Она непрерывно появляется, но и непрерывно же исчезает в силу растущей конкуренции; последняя, привлекаемая прибылью, следует по пятам за успешным первым инноватором. Если бы эта прибыль изымалась в качестве налога, то в экономическом процессе отсутствовал бы тот элемент, составляющий в настоящее время важнейший индивидуальный мотив для труда, способствующего индустриальному прогрессу. Даже если бы вследствие обложения её налогом она только существенно сократилась, то индустриальное развитие (и это в достаточной мере демонстрирует судьба Австрии) значительно замедлилось бы. Очевидные последствия для национальной экономики — а вследствие этого и для государственных финансов — нас здесь не интересуют. Для нас важно лишь то, что для обложения прибыли налогом существует определённая граница, выше которой налоговая нагрузка не может подняться, не нанеся ущерб объекту налогообложения и не уничтожив его. Идеально совершенная, индивидуально трактуемая каждый случай появления предпринимательской прибыли налоговая практика могла бы принести гораздо большие суммы, чем реальная практика, что при относительно незначительных успехах brutally уничтожает многие возможности экономического развития. Однако и самая идеальная налоговая техника натолкнулась бы на определённую границу, причём очень скоро.

Иначе обстоит дело с монопольной прибылью и земельной рентой. Например, монопольную прибыль какого-нибудь картеля, то есть разницу между чистым доходом и суммой, необходимой для оплаты использованных средств производства (включая процент с капитала), можно почти целиком изымать в качестве налога, не опасаясь каких-либо неблагоприятных последствий. То же самое относится и к чистой земельной ренте, то есть к тому элементу чистого дохода от сельского или городского земельного участка, который останется, если вычесть проценты на инвестированный в него капитал (включая суммы заработной платы, израсходованные на вложение капитала и эксплуатационные издержки), но, естественно, не проценты покупной цены! Ведь поскольку эта чистая земельная рента представляет собой лишь плату за данные природой блага, которые никуда не деваются, даже если собственник не извлекает из них дохода, и поскольку мотив эксплуатации земельного участка состоит в возможности получения дохода от труда и капитала, последний всё ещё остаётся и при изъятии земельной ренты в

качестве налога, то такой налог никак не влияет на производственный процесс. То же самое относится и к случайным прибылям, не являющимся результатом специальной экономической деятельности. К ним, разумеется, лишь в редчайших случаях относятся наследства, но, пожалуй, часто — различные формы «необоснованного завышения стоимости», хотя обычно очень тяжело из всего обилия того, что обыватель считает необоснованным завышением стоимости, выделить то, к чему действительно подходит эта характеристика и где именно завышению стоимости нельзя приписать функцию премии за риск или элемента процентной ставки. Во всех этих случаях перед нами — идеальные объекты для налогообложения при условии, что их можно безошибочно распознавать, отделить от похожих, но весьма от них отличающихся и корректно обработать с точки зрения налоговой техники. Впрочем, до сих пор это ещё никому не удавалось; на практике мы по большей части сталкиваемся с чем-то вроде попытки взвалить мешок с мукой на тень осла. Здесь также имеется определённая граница, однако она задаётся только наличием и размерами таких объектов налогообложения.

В случаях процента с капитала и заработной платы налог не может проникнуть слишком глубоко в объект налогообложения. Поскольку мы подразумеваем налогообложение *всех* форм дохода с капитала и заработной платы, то, разумеется, вопрос не стоит о переориентации капитала и труда на какое-либо иное использование. Речь идёт о проблеме общей для *всех* налоговых государств, и мы не намереваемся обсуждать и склонность капитала и рабочей силы мигрировать в страны с минимальным налоговым бременем (сколь важным ни было бы это именно для Австрии). Но и тогда как для капитала, так и для труда, всё ещё возможны две реакции. Налоги ведут к повышению процентной ставки и ставки заработной платы, которые должен платить предприниматель, поэтому они препятствуют расширению производства, происходившее бы без них. Но пока эти налоги взимаются с дохода капиталиста или рабочего, они в тех или иных случаях могут даже способствовать большей, чем без них, экономии и выработке. Однако для капитала вообще эти случаи представляют собой редкие исключения, а для труда они будут иметь большее значение лишь в том случае, если рабочий день до введения налога был относительно коротким. Во всех прочих случаях образование капитала парализуется, а при отсутствии амортизации и, соответственно, неисполнении ремонтных работ оно может в конечном счёте превратиться в сокращение капитала. Изъятие более высоких трудовых доходов, о которых, собственно, только и идёт речь, препятствует любой производительности труда, превышающей средний уровень, если только она сама не является самоцелью. Повторим: народнохозяйственные последствия таких налогов нас здесь не интересуют. Важно, что их доходность ограничена не просто, скажем, размерами объекта налогообложения за вычетом прожиточного минимума налогоплательщика, а природой движущих сил свободной экономики. Разумеется, обыватель считает доходы, приносящие крупные поступления, почти неисчерпаемыми источниками налогообложения. А наш преимущественно мелкобуржуазно ориентированный интеллигент склонен проводить границу там, как он говорит, где начинаются большие доходы, чуть выше уровня заработной платы или размера какого-то иного дохода представителей тех классов, что он надеется достичь сам. Однако количество, уровень и налоговый потенциал⁵ больших доходов не так уж и высоки, причём едва ли они где-нибудь ниже, чем у нас. Случай бездетного и живущего на унаследованную ренту миллионера, чей доход определён раз и навсегда, поэтому, не снижаясь, может облагаться любым налогом, редок, хотя, возможно, однажды настанет день, когда вся буржуазия превратится в одного бездетного миллионера-рантье.

Разумеется, налоговое государство не ограничивается получением вторичных доходов. Оно не только распоряжается наследством, чаще всего небольшим и доставшимся ему от его предшественника, но

⁵ Впрочем, налоговый потенциал больших доходов только с точки зрения современного идеала справедливости выше, чем потенциал равной суммы, если она распределена между более мелкими доходами, за исключением того случая, когда они приближаются к прожиточному минимуму: в общем и целом, тут нет никакого отличия от экономического потенциала, то есть те реакции частного хозяйства на налоговую повинность, о которых шла речь в тексте, возникают как при больших, так и при небольших доходах.

и создаёт в мире капитализма собственную экономическую сферу и становится предпринимателем. Я говорю здесь не об «участии в прибылях» частной индустрии, ведь это просто другое слово для обозначения налога, а только о предприятиях, которыми государство само управляет. Если оно это делает, то, конечно, выходит за собственные границы. Однако пока оно не поглотило всю или большую часть национальной экономики, оно остаётся по своей сущности тем же, чем и было. Решающим критерием является то, работает ли оно всё ещё — если не принимать во внимание то монопольное положение, которое оно способно себе обеспечить, — в среде свободной экономики, чьи данные и методы оно должно применять и на своих предприятиях, или нет. Если да, если оно в капиталистическом духе работает прежде всего ради максимально высокого денежного дохода, то его прибыль ограничена экономическими законами капиталистической производственной прибыли. А эти границы уже, чем полагает обыватель. Поскольку государство, как и всякий другой предприниматель, разумеется, должно работать с денежным капиталом, и приобрести этот капитал оно может только путём займа, маловероятно, что оставшаяся прибыль, даже при чрезвычайной финансовой выгоде возможного монопольного положения и даже если мы совсем не будем принимать во внимание действительно весьма незначительные предпринимательские умения государства, будет существенно выше той суммы, которую можно было бы извлечь из этой отрасли прямым и косвенным налогообложением, включая налогообложение доходов, полученных от этой отрасли.

Итак, мы видим, насколько бездоказательно утверждение, что в государственной экономике в отличие от частного хозяйства доходы просто определяются расходами. Финансовая эффективность налогового государства имеет свои границы⁶ не только в некоем самоочевидном смысле, который относился бы и к социалистическому сообществу, но и в намного более узком, фатальном для налогового государства смысле. Если воля народа требует всё больших общеэкономических расходов, и все большие средства используются для достижения целей, не предусмотренных создававшими их частными лицами, если за этой волей стоит более мощная сила и, наконец, если новый взгляд на частную собственность и образ жизни распространяется во всех слоях народа, то это означает, что налоговое государство исчерпало себя, общество должно полагаться не на индивидуальные эгоизмы, а на какие-то другие экономические движущие силы. Эта граница, а стало быть, и кризис, который оно не переживёт, вполне достижимы: нет сомнений, что налоговое государство *может* рухнуть.

---

⁶ Чем ближе налоговое государство подходит к этим границам, тем с большим сопротивлением и потерей сил связана его работа. Растёт армия чиновников, необходимая, чтобы претворять в жизнь налоговые законы, становится всё более настойчивой налоговая инквизиция, всё более невыносимым налоговое крючкотворство. Эта непродуктивная трата сил демонстрирует, что смысл организации государственного налогообложения состоит в автономии частного хозяйства и частной жизни и что она утрачивает свой смысл, если не может более соблюдать эту автономию.

NEW TRANSLATIONS

Joseph Alois Schumpeter

The Crisis of the Tax State (excerpt)

SCHUMPETER, Joseph   **Abstract**

Alois (1883–1950) —
an Austrian political
economist, sociologist,
and historian of economic
thoughts.

Translation from German
into Russian.

At the beginning of his article “The Crisis of the Tax State”, published in 1918, Joseph Schumpeter poses an important question: will the economic structure of Western states withstand the burden of war, or does it need to be transformed so that something new can emerge? According to the author, this question is typically discussed from the perspective of three future alternatives: the collapse of the capitalist system, the expansion of economic freedoms, and the emergence of an administrative economy. However, Schumpeter believes that the First World War exposed a more fundamental crisis in modern societies rather than being its

cause, at the heart of which lies the failure of the tax state. For a true understanding of this crisis, a sociological perspective is necessary—namely, fiscal sociology—which considers financial history as an integral part of a people's history. Finances serve as one of the starting points for studying the social mechanism. In this context, the author suggests seeking answers to the following questions: What does “the failure of the tax state” mean? What is its essence? How did it arise? What social processes underlie the superficial facts expressed by budget figures?

The *Journal of Economic Sociology* publishes an excerpt from Schumpeter's work “The Crisis of the Tax State,” which reveals the nature and boundaries of the tax state.

Keywords: tax system; state; crisis; state economy; private economy; fiscal sociology.

Received: January 9, 2024

Citation: Schumpeter J. A. (2024) Krizis nalogovogo gosudarstva [The Crisis of the Tax State (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 4, pp. 11–19. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-11-19](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-11-19) (in Russian).